

Н.С. РОЗОВ

Новая актуальность философии истории и проблема согласования описаний прошлого

В статье ставится задача восстановления престижа и творческой активности философии истории через формирование проблемного каркаса – комплекса нескольких групп проблем, которые могли бы привлечь внимание разных “лагерей” философов истории и макросоциологов. Явным образом заданы требования к этим проблемам и обозначены такие группы проблем, как: 1) доверие к истории; 2) ценности и оценки в истории; 3) интеграция и накопление исторических описаний; 4) структура и ход истории; 5) смысл истории и исторического самоопределения.

Ключевые слова: философия истории, исторические факты, исторические интерпретации, макросоциология, проблема соизмеримости научных теорий, накопление знаний.

The paper seeks ways to restore prestige and creativity of philosophy of history through formation of a problematic framework, i.e. several interconnected groups of problems that can attract attention of different “camps” of philosophers of history and macrosociologists. The requirements for these problems are defined explicitly such as: 1) the problems of trust to history, 2) the problems of values and assessments in history, 3) the problems of integration and accumulation of historical descriptions, 4) the problems of structure and course of history, 5) the problems of meaning of history and historical self-identity problems.

Keywords: philosophy of history, historical facts and historical interpretations macrosociology, the problem of commensurability of scientific theories, the accumulation of knowledge.

Философия истории как интеллектуальное направление, знавшее периоды подъема, бурного творчества и заслуженной славы, в наши дни переживает не лучшие времена. После подъема в 1960-х гг. аналитизма и обсуждения (преимущественно критического) идеи “охватывающих законов” К. Гемпеля философия истории вступила в затянувшийся период “осени” с рассеченным полем интеллектуального внимания, невысоким престижем в пространстве философского и научного мышления.

Одновременно сама история как реальность и как тексты историков о прошлом привлекает все большее внимание в идеологии, политике, общественных дискуссиях и читательском интересе. Споры относительно истории, интерпретации событий и процессов, оценок деяния лидеров и политических сил, необходимости или пагубности единых учебников национальной истории становятся острее и громче. Появилась даже целая сфера “исторической политики”. Большинство споров относительно интерпретаций исторического прошлого не решаются обращением к документам и данным логики и научного знания. Поскольку практически все споры об истории связаны

с оценками и осмыслением, единственным квалифицированным арбитром могла бы выступить философия истории. Однако в своем большинстве современные философы истории остаются в своих “башнях из слоновой кости”, изолированных не только от широкого публичного дискурса, но и друг от друга.

Возможна ли новая волна подъема творчества и престижа философии истории? Для ответа на этот вопрос обратимся сперва к более общей теме.

Согласно результатам фундаментального исследования Р. Коллинза [Коллинз, 2002], факторы успеха интеллектуального движения заключаются в следующем:

- наличие общего поля интеллектуального внимания, в рамках которого несколько конкурирующих направлений ведут спор между собой и тем самым развивают свои концепции и аргументацию;

- регулярно происходят эмоционально насыщенные ритуалы (интеллектуальные конфликты, публичные выступления, дебаты), привлекающие новых авторов и вдохновляющие на творчество;

- эти споры между интеллектуалами, их новые идеи и серии публикаций привлекают внимание читающей публики и влиятельных групп, поскольку интеллектуалы претендуют на постановку и решение актуальных общественных проблем;

- некоторое число интеллектуальных центров институционализированы и получают автономную организационную основу (университетские кафедры, факультеты, научно-исследовательские центры, журналы и книжные серии), что позволяет привлекать и поддерживать неофитов;

- появляются плотные и взаимосвязанные сети личных знакомств, выходящих за пределы политических границ и продолжающихся при смене поколений;

- длительные периоды творчества наблюдаются при возникновении механизма регулярной перестройки сетей, что преодолевает обычную тенденцию формирования изолированных анклавов, каждый из которых обладает мировоззренческой, парадигмальной и концептуальной монополией.

Данная работа посвящена не организации научных сообществ и социальной инженерии, но первому – содержательному – пункту: как создать общее поле интеллектуального внимания в сегодняшней философии истории, как соединить отдельные “анклавы” философских, макросоциологических, исторических исследований и дискурса в некий общий проблемный каркас, как сформулировать наиболее фундаментальные проблемы и значимые темы будущих споров.

Поле интеллектуального внимания в современной философии истории: задача интеграции

Поле интеллектуального внимания – это темы и проблемы, служащие предметами обсуждения в живых дискуссиях и публикациях творческих интеллектуалов [Коллинз, 2002]. Оно бывает единым, связным, с яркими диспутами, идеями, фигурами, статьями и книгами, на которые все ссылаются и о которых все говорят. Такое поле внимания характеризует периоды интенсивного интеллектуального творчества – “золотые века” философской или научной традиции.

Поле внимания интегрируется, когда ведущие интеллектуалы из разных лагерей и их амбициозные молодые ученики выходят за пределы привычных узких тем и начинают обсуждать “горячие проблемы”, позволяющие превратить ранее накопленный потенциал (концептуальные, логические, методические и прочие ресурсы) в новые решения, яркие тезисы и концепции, тем самым увеличив свою интеллектуальную репутацию. “Горячие проблемы” подвержены закономерностям моды, после яркой вспышки они могут угаснуть. Какими же качествами должны обладать проблемы, чтобы долго и успешно привлекать внимание творческих интеллектуалов?

Представим перечень таких требований для проблем философии истории. Прежде всего это связь с наиболее конфликтными и обсуждаемыми *темами публичного дискурса*, гибкая способность переключаться на новые темы. Например, в сегодняшней

России – такими, как историческая политика в области образования (“нужен или нет единый учебник истории?”), оценка советского периода, особенно достижений и преступлений сталинского режима, отношение к “европейскому” или “особому” пути исторического развития, и др. В Европе по-прежнему актуальна тема колониализма и его последствий, отношения к иммигрантам, тема соотношения локального, национально-го и общеевропейского. В США больше внимания уделяют проблемам этничности, гендера, отношения к религии, что всегда имеет значимый исторический аспект.

Кроме того, связь с *объективными вызовами* – причинами и источниками сильного долговременного дискомфорта, кризисов, а также способность *отвечать на запросы держателей ресурсов*, обеспечивающих организационную основу философии истории. Главные проблемы современного мира хорошо известны: экономические и социально-политические кризисы, загрязнение среды и дефицит ресурсов, тлеющие международные конфликты и вспыхивающие войны, охваченность больших мировых регионов голодом и насилием, массовые миграции и межэтнические распри, массовая безработица, распространение социальных болезней (алкоголизм, наркомания, преступность) – эти вызовы будут действовать еще в течение многих десятилетий.

Наконец, формулировки проблем должны быть *привлекательны* для представителей разных “лагерей” философии истории. Проблемы должны быть и достаточно знакомыми, узнаваемыми (иначе не будут восприняты), и обещающими новизну – выход в новые предметные и смысловые пространства с выгодным использованием накопленного потенциала внутри каждого “лагеря”. При этом решения проблем в идеале должны порождать новые – *глубокие затруднения* как в самой философии истории, так и в смежных дисциплинах (истории, социологии, антропологии, политических науках, экономике, географии, философии).

Но из самих по себе требований не вытекает содержание искомых проблем. Его дают разрывы, “узкие места”, нарушения в публичной коммуникации и социальных, политических, идеологических процессах и взаимодействиях, связанных с историей. Эти разрывы и трудности, будучи переформулированы в качестве смысловых, концептуальных дефицитов, и суть перспективные проблемы современной философии истории (см. также [Розов, 2001]):

1) *проблемы доверия к истории* – все, что связано с истинностью и ложностью исторических суждений и описаний, с их обоснованностью, аргументированностью, приемлемостью, релевантностью и т.п. Сюда же относятся проблемы существования и онтологического статуса прошлого, доступа к нему и связи с историческими текстами, нарративами, языком;

2) *проблемы синтеза и накопления исторических описаний*, пути преодоления разнобоя и противоречивости историографии; насколько оправдана и возможна согласованная интеграция описаний прошлого, выполненных в различных парадигмах, с разными мировоззренческими позициями и ценностными основаниями;

3) *проблемы ценностей и оценок в истории*, их отношения с принципами объективности, нейтральности, деидеологизации науки; (не)оправданность моральных суждений относительно деяний прошлого по современным нравственным критериям, и т.д.;

4) *проблемы структуры и хода истории* относятся к обоснованности множества альтернативных периодизаций (вертикального структурирования) и деления на народы, культуры, цивилизации, миросистемы (горизонтального структурирования) в мировой истории; сюда же относятся вопросы классической субстанциональной философии истории об общей модели, или ходе мировой истории (апокалиптика или прогресс, однолинейность или многолинейность, эволюция и инволюция, модернизация и контрмодернизация, цикличность и волны экспансии, формации и стадии роста, осевое время и т.д.);

5) *проблемы смысла истории и исторического самоопределения* – наиболее смутная, далекая от науки и позитивных исследований область, но идейно, философски и эмоционально самая насыщенная; есть в истории объективный смысл или же только

субъективные необязательные попытки придать смысл бессмысленным процессам? Как связаны те или иные способы осмысления истории, исторические мифы, национальные травмы с идентичностями (национальными, этническими, конфессиональными, политическими)?

Данная работа посвящена первым двум группам проблем, в наибольшей степени связанным с методологией и логикой исторического познания, с развитием общественных наук.

Причины дефицита доверия к истории и общественная потребность в его восстановлении

Уже давно никто не жалуется на отсутствие или падение публичного интереса к истории. Напротив, он велик, прежде всего со стороны различных политико-идеологических лагерей, но этот спрос рождает специфическое предложение, которое можно назвать заказными (или сервильными) историческими концепциями. Такова “историческая политика” в первоначальном негативном смысле слова: представление прошлого в свете, нужном заказчику, в пределе – создание ложного, но “положительного” исторического мифа (таков, в частности, был призыв нынешнего министра культуры в России В. Мединского)¹.

Серьезные историки в соответствии с этосом интеллектуалов [Коллинз, 2002] в наибольшей мере заинтересованы в сохранении и повышении личной репутации среди своих коллег, поэтому чужаются заказной, сервильной истории. Редко они утруждают себя даже критикой таких поделок, предпочитая заниматься собственными узкими, часто понятными только немногим специалистам темами. В публичном пространстве об истории больше начинают судить по тенденциозным работам. Все чаще поднимаются вопросы типа: кому было нужно такое представление событий прошлого? на чью мельницу воду льют? ради чего это делается? и т.д.

В результате наблюдается системный сдвиг – *подрыв доверия к истории и историкам*. Когда же любые умствования относительно истории оказываются тщетными и бессмысленными, естественной стратегической целью следует считать *восстановление доверия к истории*. Практическая проблема – поиск путей такого восстановления. Стандартный подход предполагает разработку критериев оценки и требований к историческим публикациям, в том числе (даже прежде всего) рассчитанным на широкую публику. Проблема же философии истории состоит в исследовании и разработке оснований для таких критериев и требований.

Рассмотрим проблематику восстановления доверия к истории с точки зрения заявленных выше требований. Не следует думать, что политическим и идеологическим силам, сражающимся в пространстве публичного дискурса, естественным образом нужна достоверная история. Скорее, каждой стороне нужен выгодный ей исторический миф. Нынешнюю ситуацию в публичном дискурсе можно смело характеризовать как *перепроизводство мифов о прошлом* – переизбыток и обесценение образов прошлого, создаваемых для подтверждения какой-либо политической стратегии или идеологической позиции.

В экономике инфляционные процессы при рыночном обмене увеличивают спрос на какую-либо “твердую валюту” (золотой стандарт, драгоценные металлы). Так же и переизбыток различных, часто противоречащих друг другу исторических версий, приводят к спросу на надежное знание о прошлом, но не всегда, а при наличии особого рыночного обмена – *диалога и дискуссии по правилам*. Поэтому спрос на досто-

¹ “Важно не столько факт, сколько его отражение в самосознании” [Мединский 2010, с. 25]. “Моя цель – развенчать мифы черные. Но вот положительные – решительно хочется оставить. Объясню почему. Эти мифы не вредны. Они, как ни странно, для массового сознания просто необходимы... Факты сами по себе значат не очень много. Скажу еще грубее – в деле исторической мифологии они вообще ничего не значат. Факты существуют только в рамках концепции. Все начинается не с фактов, а с интерпретации. Если вы любите свою Родину, свой народ, то история, которую вы будете писать, будет всегда позитивна. Всегда!” [Мединский, 2011, с. 641–642].

верную историю будет повышаться там и тогда, где и когда политико-идеологические дискуссии станут вестись на уровне, исключающем грубые софизмы, демагогию и апелляции к историческим мифам.

Кому же доверять и на каком основании? Неизбежно встает вопрос о критериях достоверности исторического знания. Философская и методологическая разработка таких критериев, дискуссии об их содержании и основаниях как раз и будут ответом философии истории на реальный спрос читающей публики на ту историю, которой можно доверять.

Каким образом может помочь восстановление доверия к истории в понимании и решении актуальных проблем современного глобализованного мира? Как мы увидим, этот вопрос напрямую связан и со спросом держателей ресурсов на достоверную историю, что открывает возможности обеспечения организационных основ для философии истории (финансирование исследований, поддержка конференций, журналов, книжных серий).

Каждое решение включает некую картину реальности и стратегию действий с элементами реальности, понятыми согласно этой картине. Вопрос заключается в том, какова временная протяженность (историческая глубина) такой картины? Малая глубина (годы и даже десятилетия) обуславливает реактивные ответы на дискомфорт, побочными следствиями которых может стать усугубление ущерба и дискомфорта в более длительной перспективе.

Кроме того, человечество все чаще сталкивается с новыми, беспрецедентными трудностями, недаром утверждается журналистский штамп: “никакая прежняя мудрость не поможет при столкновении с Будущим”. Однако в мировой истории народы и государства зачастую сталкивались с новым и неизвестным. Кто-то проигрывал и погибал, кто-то справлялся и даже выходил на новый эволюционный уровень. Сегодняшние глобальные и национальные проблемы требуют больших вложений для практического решения. Идет естественная конкуренция за ресурсы, поэтому появляются и будут множиться заказные исторические работы, “обосновывающие” ту или иную стратегию (своеобразный “исторический лоббизм”). Здесь как раз и возникает высокий объективный спрос прежде всего со стороны держателей ресурсов (государств, международных организаций, частных фондов) на *достоверную историю*.

К чему стремиться в историческом познании, чтобы достичь доверия? К видимой картине исторического прошлого (Л. Ранке)? К мысли, лежащей за событиями (И. Дройзен)? К получению и представлению фактов, надежному историческому знанию (Э. Бернхейм)? К воспроизведению мыслей и чувств людей прошлого в уме историка (Р. Коллингвуд)? К истинности суждений в историческом тексте (Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос)? К научным объяснениям причин исторических событий (К. Гемпель)? К близости репрезентации к умообразной “Идеальной Хронике” (А. Данто)? К рационально приемлемым описаниям с релевантным отбором суждений (Дж. Горман)? К росту осмысленного понимания (Р. Мартин)? К “возвышенному историческому опыту” (Ф. Анкерсмит)?

Нужно сказать, что последние примерно 60 лет философия истории, намеренно или нет, *работала на подрыв доверия к историческим описаниям*. Критика неопозитивистского призыва Гемпеля, аналитизм, лингвистический поворот, развенчание наивного исторического реализма *a la* Ранке, метаистория и исследование исторических нарративов, постмодернистские нападки на науку и научность вообще, тем более – в сфере истории, – все это превращало исторические описания из привычного способа узнать что-то о прошлом в смутное и подозрительное нагромождение интерпретаций, литературных жанров и тропов, личных предпочтений историка, его идеологических предубеждений и т.д.

Разумеется, речь не может идти о лозунге “Назад – к Ранке!”, накопленные представления о способах написания истории, о сложности и многослойности исторических нарративов закрывают возможность возвращения наивного реализма в истории. При этом не пора ли совершить новый поворот – применить эти метаисторические представления не к подрыву, а к восстановлению доверия к истории?

Проблемы интеграции и накопления исторических описаний

Если есть какой-либо консенсус в философии исторического нарратива (метаистории в широком смысле), то он заключается в том, что историю всегда писали, пишут и будут писать существенно по-разному. Это разнообразие способов и стилей иногда доводится до предела (сколько историков, столько историй), чаще речь идет о типах повествования, стилях исторических школ, парадигмальных единствах (прогрессиизм, эволюционизм, марксизм, веберизм, теория модернизации, миросистемный анализ, цивилизационный подход и т.д.).

Кроме этого, имеются такие разительные отличия в подходах к реконструкции и описанию явлений прошлого, как микроистория и макроистория (в том числе, мировая история и историческая макросоциология), сам нарративный подход и численные методы (клиометрия и клиодинамика как математическое моделирование исторических процессов на основе численных или как-либо формализованных данных), историческая память личностей, популярная история и профессиональная история и т.д.

Неудача великой неопозитивистской программы по созданию единого безупречного научного языка, к которому могли бы быть сведены все иные языки, оставляет два принципиальных выхода: либо принятие разноречия в исторических описаниях одних и тех же явлений как неустранимой данности и свидетельства принципиальной несовместимости языков и подходов к ее изучению, либо попытку найти способы интеграции обособленных и приемлемых описаний. Первая альтернатива – продолжение известных идей позднего Л. Витгенштейна о не сводимых друг к другу “языковых играх”, Т. Куна и П. Фейерабенда – о несоизмеримых парадигмах и пролиферации описаний, Э. Сепира и Б. Уорфа – о зависимости восприятия реальности (или даже самой реальности) от языка описания. Происходит ли здесь накопление исторических описаний? Разумеется. Но оно носит “механический” характер. Обязательные ссылки на предшествующую историографию – крайне важная и полезная норма, но само это формальное требование не способно уберечь от механистичности накопления. На данном пути не видно перспективных проблем для сосредоточения интеллектуального внимания: его раздробленность здесь запрограммирована.

Вторая альтернатива – интеграция описаний и *согласованное накопление* – крайне трудна и не обещает быстрых решений. Здесь подразумевается стремление к согласованию позиций в фактологии и объяснении, устранение радикальных противоречий в интерпретациях. Этот путь полон препятствий и подводных камней, зато открывает новые большие пространства для множества разнообразных проектов интеграции, ни одному из которых не суждено оказаться удовлетворяющим всех и окончательным.

Зачем нужно именно согласованное накопление исторических описаний, почему недостаточно привычного механического накопления публикаций – статей и книг, по-разному трактующих одни и те же события, процессы и периоды в истории? Главное нормативное основание – императив доверия к истории, а также научный статус исторических исследований, предполагающий получение *знаний*, которые должны не противоречить друг другу, но накапливаться и служить фундаментом последующих исследований. Только внутренне согласованные исторические знания могут стать надежной платформой для составления учебников истории, всевозможных справочников и баз данных.

Что вообще значит “доверять историческому тексту”? Сюда включается, как минимум:

– доверие изложенным *фактам, рассказам и частным объяснениям*² (все значимые события прошлого представлены адекватно, нет тенденциозных умолчаний, объяснения связей между конкретными явлениями приемлемы);

² К частным объяснениям относятся так называемые *нарративные объяснения*, правомерность и достаточность которых защищает Д. Карр [Carrr, 2008]. С одной стороны, они важны и нужны, поскольку связывают отдельные факты в цельный рассказ через подведение отношений между ними под знакомые читателю когнитивные схемы (фреймы), с другой – в строгом научном смысле они остаются неполноценными (*defective*, по Гемпелю), поскольку имеют статус *ad hoc*, не раскрывают сущностных причин и закономерно-стей и бесполезны для объяснения других случаев.

– доверие *общим, или теоретическим объяснениям* (представленные причины не суть произвольные домыслы, но могут быть каким-то образом подтверждены и обоснованы);

– доверие *интерпретациям* – вариантам осмысления исторических явлений в разных контекстах и с разных позиций.

Фактология включает суждения о явлениях, происходивших там-то и тогда-то при отвлечении от смыслов и оценок, сущностей и причин процессов. Такие суждения основаны на следах, оставленных прошлым, – записях и артефактах. Следов бывает слишком мало (об отдаленных эпохах) или слишком много, причем иногда противоречащих друг другу (начиная с XVII–XVIII вв.). Так или иначе, полного согласия между историками относительно фактов нет, особенно в плане датировок и локализации явлений (времени и места).

Точность (*accuracy*) по Р. Мартину [Martin, 1998] вполне может быть понята как релевантность (соответствие задаче описания) и эмпирическая обоснованность фактических суждений. Требование релевантности справедливо было подчеркнуто Горманом [Gorman, 1998], однако с его признанием правомерности ложных фактических суждений никак нельзя согласиться: доверие к истории способна подорвать как раз ошибочность в деталях.

Самый надежный способ преодоления фактологических расхождений – эмпирический: поиск в архивах, в археологических данных, или же проведение новых раскопок для получения новых прямых свидетельств о явлениях прошлого. Если требуемых данных не удастся получить, то эмпиризм дополняют логикой: каковы были бы следствия из каждой версии событий прошлого, о чем говорят имеющиеся сведения о следствиях и как получить свидетельства (теперь уже косвенные), подтверждающие или отвергающие эти следствия? Более слабы предположения о том, “как это должно было быть”, на основе аналогий и типов явлений.

В итоге должна быть установлена *платформа фактологического согласия* – пространственно-временные рамки и основная канва событий, относительно чего нет расхождений. К этой платформе согласия добавляется *зона фактологической неопределенности* – альтернативные версии (суждения о явлениях прошлого), лучше всего подкрепленные эмпирически, с указаниями на свидетельства. Венчать эту структуру должно явное представление применявшихся подходов и методов к преодолению фактологического противоречия, а также перспективные пути преодоления оставшихся расхождений.

Методология проверки и обоснования фактов достаточно детально разработана в рамках самой профессиональной истории. Главные возникающие здесь затруднения отнюдь не философские, они большей частью связаны с дефицитом требуемых данных и свидетельств, а также с нежеланием самих историков устранять противоречия в фактологии (см. выше).

Выбор и согласование исторических объяснений

Иначе обстоит дело с выбором и интеграцией теоретических объяснений в истории. Речь идет о разных моделях и концепциях закономерностей и причин прошлых явлений, в том числе таких крупных, как возникновение и распад государств, революции, завоевания, религиозные расколы, смена экономических укладов, модернизация, демократизация и т.д. Со времен К. Поппера известно, что каждое единичное явление может иметь сколько угодно теоретических объяснений. Важнейшие исторические события обычно имеют объяснения и трактовки с позиций марксизма, веберизма, цивилизационного подхода, теории модернизации, миросистемного анализа. Возможен ли вообще выбор среди альтернативных объяснений? Оправдана ли интеграция приемлемых объяснений?

Макросоциологические теории обычно тесно связаны с породившими их парадигмами, которые включают принципиально различные мировоззренческие, онтоло-

гические и ценностные предпосылки, связанные с политическими и идеологическими установками. В силу этого парадигмы не поддаются интеграции. Нужна тонкая хирургическая операция по отделению теоретических объяснений от парадигм. Первые можно операционализировать и сравнивать по объяснительной силе и эмпирической подкрепленности, тогда как вторые всегда имеют несводимый мировоззренческий остаток, поэтому с парадигмами лучше обращаться как с основаниями интерпретаций (см. ниже).

Рассмотрим проблему сравнения и интеграции теоретических объяснений, очищенных от парадигмальных, мировоззренческих компонентов. Беда в том, что после дружного опровержения концепции “универсальных (покрывающих) законов” Гемпеля [Гемпель, 2000] никакой общепризнанной альтернативы так и не было создано. Здесь мы выходим на известную тему философии науки о множественности теоретических объяснений, о несовместимости и несоизмеримости теорий.

Наиболее глубоко эта тема обсуждалась на материале естественных наук с возможностью эксперимента. В истории эксперименты невозможны, а точность теорий, мягко говоря, невысока. Значит ли это, что следует без боя согласиться на фактически фейерабендовский тезис пролиферации: “все пойдет, любые объяснения и теории в истории хороши, с их множественностью надо смириться, чем больше их, тем лучше”? В философии истории “объяснительный плюрализм” прокламируют Дж. ван Боуэл и Э. Вебер [Bouwel, Weber, 2008]. Они убедительно отвергли релятивизм Фейерабенда, согласно которому нет правил предпочтения между объяснениями. Нельзя оспорить “плюрализм вопросов”, поскольку исследователи вольны ставить самые разные исследовательские задачи, связанные с объяснениями. Боуэл и Вебер утверждают также “плюрализм ответов” – допустимость разных объяснений одного и того же вопроса, ранжируя предпочтения, в частности признавая превосходство структурных макрообъяснений над интенциональными микрообъяснениями [Bouwel, Weber, 2008, p. 181]. С такой позицией трудно согласиться.

Для простоты рассмотрим ситуацию получения двух существенно различных объяснений в качестве ответов на один вопрос. Здесь имеются три основных возможности: 1) ответы давались на разные вопросы, скрывающиеся под одной формулировкой; 2) ответы совместимы как дополняющие друг друга (отдаленная причина и ближайшая причина, общая закономерность и конкретный механизм ее реализации, и т.д.); 3) ответы не совместимы, то есть указывают на принципиально различные причины, закономерности, сущности.

Ситуация (1) означает вполне законный плюрализм вопросов, нужно только различие вопросов эксплицировать. Ситуация (2) требует не плюрализма ответов, а раскрытия связи между взаимодополнительными ответами. Ситуация (3), будучи принята в качестве нормальной, законной, достаточной и не требующей дальнейших исследований как раз и означает “плюрализм ответов”. Но с этим согласиться никак нельзя, поскольку ситуация (3) – та самая конфликтная неопределенность, которая нуждается в разрешении, то есть преодолении противоречивости объяснений, а значит, и преодолении “плюрализма ответов”.

Научные объяснения всегда относятся к причинам и условиям явлений и процессов. Размножающиеся образы причинных механизмов в истории и социальном мире – хорошо для литературы и кинематографа, особенно прекрасно для фантастики и фэнтези, но не для познания и сознательной ориентации человека в реальном общественном бытии.

Есть еще один важный аргумент в пользу попыток преодоления пресловутой несоизмеримости теорий. Смириться с множественностью научных объяснений исторических явлений значит перестать спорить относительно адекватности и преимуществ того или иного объяснения, а это уже ведет к блокированию коммуникации, спора и интеллектуального конфликта, соответственно – к стагнации научного мышления.

Как выбрать из имеющихся объяснений одного и того же исторического явления (например, Реформации, подъема капитализма, промышленности и парламентаризма

в Англии, Первой мировой войны, Русской революции 1917 г. или коллапса СССР) наиболее адекватное? В философии и методологии науки для такого рода задач разработано множество критериев. Для теоретических объяснений в истории наиболее релевантными представляются эмпирическая широта и точность во времени и деталях.

Преимущество имеет то объяснение, лежащий в основе которого закон (принцип, модель, механизм, закономерность) уже подкреплён на большем числе случаев и успешно применяется для объяснения новых случаев. Теория, лежащая в основе объяснения европейской Реформации, должна объяснять множественные религиозные расколы в других конфессиях. Теория, применяемая для объяснения английской модернизации, должна объяснять случаи модернизации во многих других странах (например, во Франции, Пруссии, Австро-Венгрии, России). Теория, объясняющая Первую мировую войну, должна быть пригодной и для объяснения других крупных войн, и т.д.

Точность, детализованность объяснения означает, что большее число характеристик каждого случая (время и место наступления, массовость, направленность, скорость и радикальность перемен, характер и динамика коллизий и конфликтов, структура коалиций и т.д.) выводятся из разряда “случайностей” в разряд “закономерных предсказуемых следствий из известных причинных условий”. Почему Реформация началась именно там-то и тогда-то? Почему ее поддержали определенные государства и слои населения, тогда как остальные стали ее противниками? Нет недостатка в сколь угодно детальных исторических объяснениях *ad hoc*. Здесь критерий точности должен быть совмещен с критерием широты, иными словами, принципы объяснения должны “работать” и для других случаев, а через это “игольное ушко” пройти может далеко не каждое объяснение.

Оба критерия имеют квазиколичественный характер: редко удастся на их основе однозначно выбрать одно объяснение и отвергнуть остальные. Возможно ли такое в истории? В естественных науках для подобных целей используется критический эксперимент (серия экспериментов). Искусственно создаются такие условия, при которых происходят два четко различимых следствия *A* и не-*A*, причем каждое из них подкрепляет одну теорию и подрывает другую (является аномалией для нее).

Казалось бы, такой путь для истории заказан, поскольку “экспериментальная история” существует только в фантастических романах братьев Стругацких. Однако в социальной теории есть изящный обходной путь, суть которого в специальном подборе случаев с заданными характеристиками, что позволяет осуществить некий аналог критического эксперимента.

Классический пример представлен Э. Дюркгеймом в книге “Самоубийство” [Дюркгейм, 1994]. Согласно одной теории, более склонны к самоубийству “модернизированные” – горожане в сравнении с селянами, образованные в сравнении с необразованными. Согласно другой теории (принадлежащей самому Дюркгейму), самоубийствам способствует дефицит солидарности, групповой сплоченности. Искомым случаем были бы сообщества городские, имеющие преимущества в образовании, но при этом солидарные. Если верна первая теория, то в таких сообществах самоубийства должны случаться чаще, чем среди селян и среди малообразованных. Если верна вторая теория, то самоубийства должны случаться реже. Аналогом критического эксперимента здесь послужили еврейские общины: городские, высокообразованные и с выраженной внутренней солидарностью. Весьма низкое число самоубийств среди евреев стало убедительным подкреплением теории солидарности и подорвало концепцию пагубного влияния города, образования и науки.

Прямо скажем, такой стиль мышления не характерен для историков. Систематически сравнивать теоретические объяснения и теории исторической динамики морально и интеллектуально готовы только макросоциологи. Уже сейчас наблюдается и будет нарастать в будущем пропасть между традиционными нарративами историографии и макросоциологическими широкими сравнениями, нагруженными теориями. Пожалуй, именно эта ситуация когнитивного разрыва представляет собой сферу глубоких

затруднений для философии истории. Историки привыкли описывать явления, а макросоциологи выявляют скрытые закономерности, механизмы, причины и сущности. Чтобы увязать эту разнородность в единое осмысленное целое требуется особенно широкий – философский – взгляд.

Макросоциологические парадигмы и исторические интерпретации

Парадигмальный конфликт – наличие существенных противоречий между общими суждениями о явлениях прошлого в двух или более исторических описаниях, между суждениями, основанными на принципиально различных онтологических предпосылках, системах базовых категорий (парадигмах) и соответствующих понятийных аппаратах, исследовательских подходах. Такого рода проблемы интеграции описаний наиболее трудны, зато открывают широкое пространство для философской работы. Сам выбор между парадигмами осмысления прошлого – важная проблема философии истории. Для ее решения нужно достичь согласия между приверженцами разных парадигм о критериях их оценки и выбора. Если отвлечься от сугубо моральных или религиозных оснований, то критерии должны каким-то образом приводить к возможности проверки суждений на основе эмпирических данных. Значит, во весь рост встанут задачи *операционализации*. Сомнительно, что какие-то частные факты могут отвергнуть парадигму исторического процесса как систему категорий. Речь должна идти о промежуточном уровне теоретических описаний, отыскивающих общие причины и закономерности исторических явлений.

Так, базовой идеей для критериев оценки и выбора парадигм истории может быть *сравнение объяснительной силы теорий, построенных на онтологических предпосылках той или иной парадигмы*. Это сравнение воспроизводит ситуацию конкуренции теоретических объяснений (см. выше) и осуществляется научными (макросоциологическими) методами. Зато работа по операционализации, по экспликации абстрактных парадигм истории в форме проверяемых теоретических гипотез имеет в большой мере философский характер. Таким образом, здесь открывается обширное поле для продуктивного сотрудничества между философами истории, макросоциологами и традиционными эмпирическими историками – многообещающая замена застарелому взаимному отчуждению и дисциплинарным перегородкам.

Иначе обстоит дело с *интерпретациями*. Справедливо отмечалось, что каждый историк учитывает допустимые точки зрения, релевантные контексты своей предполагаемой аудитории. Эти точки зрения и контексты составляют огромное культурное разнообразие, более того, они изменяются, множатся с каждым поколением и десятилетием.

Интерпретации неискоренимо множественны [Lorenz, 1998]. Согласившись с этим, следует признать, что именно эта неизбывная множественность составляет большую проблему в плане доверия к истории. Действительно, если десятки и сотни интерпретаций одного исторического явления (например, Французской революции или распада СССР) допустимы и законны, то люди, особенно подрастающие поколения, попадают в когнитивную ситуацию, объективно способствующую мировоззренческой шизофрении: реальность множится, почва под ногами плывет. Совсем не обязательным выходом будет самостоятельное размышление, сравнение доводов, самоопределение и сознательный выбор человеком одной интерпретации значимого события в истории своей страны. Безграничный плюрализм интерпретаций, скорее, приводит к историческому нигилизму и цинизму (“всё – вранье”, “правды в истории не найти”). Таким парадоксальным образом богатство множественных интерпретаций для историков оборачивается скудостью исторического сознания для публики.

Итак, вопрос заключается в том, как совместить неустранимую множественность и закономерную изменчивость интерпретаций со здоровыми представлениями о единстве мира, реальности, а значит и с исторического прошлого. Какое различие в интер-

претациях требует преодоления, а какое допустимо и нормально? Назовем *радикальным* (требующим преодоления) такое различие интерпретаций одного исторического явления, которое прямо основывается на противоречащих друг другу фактах и объяснениях. Преодоление здесь состоит как раз в устранении данных противоречий. *Умеренное* (допустимое) различие интерпретаций предполагает общую платформу фактов и объяснений, когда разница в интерпретациях обусловлена разными точками зрения, контекстами, ценностями и мировоззренческими установками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гемпель К.* Функция общих законов в истории // *Время мира. Альманах.* Вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск, 2000.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Мединский В.В.* Война. Мифы СССР 1939–1945. М., 2011.
- Мединский В.В.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2010.
- Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2001.
- Bouwel J. van, Weber E.* A Pragmatist Defence of Non-Relativistic Explanatory Pluralism in History and Social Sciences // *History and Theory.* 2008. Vol. 47. № 2.
- Carr D.* Narrative Explanation and its Malcontents // *History and Theory.* 2008. Vol. 47. № 1.
- Gorman G.L.* Objectivity and Truth in History and Theory. *Contemporary Readings.* Blackwell, 1998.
- Lorenz C.* Historical Knowledge and Historical Reality: a Plea for “Internal Realism” // *History and Theory.* *Contemporary Readings.* Blackwell, 1998.
- Martin R.* Progress in Historical Studies // *History and Theory.* *Contemporary Readings.* Blackwell, 1998.

© Н. Розов, 2014